

УДК 165

ПОЧЕМУ У ФИЛОСОФИИ ЕСТЬ БУДУЩЕЕ?

© 2013 г.

А.М. Дорожкин¹, Н.Г. Баранец², А.Б. Верёвкин²

¹Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

²Ульяновский госуниверситет

baranetz@mail.ru; a_verevkin@mail.ru

Поступила в редакцию 06.22.2013

Анализируется образ философии и будущее философии по отношению к естественным и гуманитарным наукам на фоне современных социокультурных реалий.

Ключевые слова: философия, естественные науки, гуманитарные науки, образ философии, будущее философии.

Данная статья является продолжением небольшой серии из двух статей, посвященных означенной в названии проблемы. Первая была посвящена анализу претензий ученых-естествоиспытателей к философии, а также рассуждениями об особенностях философского знания, высказанных как учеными, так и самими философами. В данной статье мы постараемся продолжить обсуждение темы, касающейся судьбы философии, сосредоточив внимание преимущественно на преподавании философии в вузах.

Что остаётся от философии?

В XX в. почти не возникло значительных философских систем, претендовавших на универсальность. Философию стали отличать функционализм и антиметафизичность, то есть направленность на решение конкретных проблем и отказ от онтологических построений. Причина этого – успешное развитие естественных наук, дающих весьма полное и подробное объяснение мироустройства, доходящее до предельных оснований бытия. На традиционно гносеологические темы о формировании знания, границах познавательных возможностей человека успешно отвечает генетическая эпистемология и когнитивная психология. Изучением общества занимаются политология и социология, а философскую антропологию со всеми экзистенциальными проблемами вытесняют психология и культурная антропология.

Может быть, философии нужно идти по пути, намеченному Л. Витгенштейном и аналитическими философами? Но и здесь языковедение, лингвистика и межкультурная коммуникация не оставляют ей свободного пространства. Очевид-

но, что сохраняются специализированные философские дисциплины – история философии, философия науки, философия естествознания, философия религии, философия культуры, имеющие простор для развития и множество задач для разрешения, подобно другим гуманитарным дисциплинам. Надо смириться с тем, что время постановки философами научных проблем, определения ими стратегии развития научного знания и предложения универсальных методов осталось в прошлом. Сегодня философия не может претендовать на всё то, с чем успешно справляется наука. Философия может предложить внешним дисциплинам только одно – при подготовке учёных через развитие критического мышления участвовать в формировании их познавательных способностей.

Условием полноценного понимания сути критического мышления является опыт постановки и решения проблем. Процедура постановки проблемы не исследована и принадлежит философии. Мы подключаемся к исследованию, когда появляется нечто удивительное. Однако видят новое далеко не все. Для инноватора существует огромная проблема объяснить своё новшество погруженному в традицию интеллектуальному сообществу и преодолеть психологические барьеры познания. Как рождается новое? Откуда возникает и как развивается способность удивляться? Эволюционная эпистемология доказывает, что наши познавательные способности восприятия мира исторически изменяются – они эволюционируют.

Какие трудности могут возникнуть на пути выработки технологии производства нового знания и можно ли её разработать в принципе? Некоторые современные авторы проводят идею о

возможности, полезности и перспективности разработки таких технологий [1, с. 21]. М.И. Мерерович и Л.И. Шрагина развивают идеи Г.С. Альтшуллера [2] и заявляют о создании «методологии формирования творческого мышления». С их точки зрения, это возможно потому, что «общими мыслительными процессами для всех видов творчества является комбинирование и аналогизирование» [1, с. 32].

Перед тем как рассуждать о выработке технологии производства нового знания, оговоримся, что мы не предполагаем возможным создание теории решения изобретательских задач. Мы считаем, что ТРИЗ есть методология формирования творческого мышления, и допускаем, что общим для всех видов интеллектуального творчества могут быть приёмы аналогии и комбинирования. Нужно отметить, что теория, в отличие от гипотезы, есть форма знания, уже прошедшая некоторую проверку на истинность. С точки зрения К. Поппера и его последователей, теория проходит фальсификацию и не всегда верифицируется, но и с этой позиции теория является обоснованным знанием, которое можно использовать для дальнейшего развития науки. А в случае теории решения задач она должна быть алгоритмом нахождения решений. В изначальном авторском варианте Г.С. Альтшуллер называл свою идею АРИЗ – автоматизацией решения изобретательских задач [1]. Это значит, что такой алгоритм можно реализовать на компьютере и пустить изобретательство на поток почти без участия человека, как это сделано на некоторых производствах материальных вещей. По сути дела – это возможность искусственного интеллекта во всей полноте, проблематичная в настоящее время.

Относительно понятия «задача» стоит уточнить, что в научном языке существует два схожих по смыслу термина: проблема и задача. Специалисты – методологи и психологи давно обратили внимание на это, но мнения о схожести и различии этих понятий разошлись. Иногда считают, что их смысл одинаков, но возможно, что верным является иное суждение. Задача отличается от проблемы тем, что в ходе её решения нет необходимости открывать совершенно новые приёмы деятельности. Решение задачи сводится, по сути дела, к комбинированию и аналогии. Конечно, задача и проблема отличны еще и по другим признакам, но мы здесь ограничимся названным, отмеченным, кстати сказать, еще Декартом в XVII в., который кроме дедукции, для решения творческих задач предполагал обязательным наличие интеллектуальной интуиции.

Мы считаем, что решение проблемы, в отличие от решения задачи, структурно гораздо сложнее, а главное – наполнено творческими моментами, – здесь нужно открыть новую методологическую идею, или, проще говоря, создать новый метод решения.

Таким образом, если Альтшуллер и его последователи различают задачу и проблему по приведенному признаку, то ТРИЗ имеет место, но тогда нельзя говорить о значительном творчестве в изобретательской деятельности. Ведь решение задачи в этом случае сводимо к простому комбинированию. Если же понятия задачи и проблемы неразделимы и в ходе решения задач истинно творческие моменты имеют место, то необходимо исследовать, сводится ли творчество к «аналогизированию и комбинированию»?

Проанализируем – в какой сфере деятельности аналогизирование и комбинирование могут исчерпывать все процедуры производства нового? В самом общем и приблизительном смысле производство может быть направлено: на преобразование мира; на открытие знания; на совершенствование самих методов.

При этом сфера материального производства сводится к рекомпозиции структурных элементов. Производство как «возникновение из ничего» невозможно. Чтобы произвести нечто, нужен определённый материал, а производство редуцируется к переупорядочению частей исходного материала. Но возникает вопрос: не происходит ли то же и в сфере науки? Несомненно, что в определённых разделах научного знания его структура является комбинацией определённого числа элементов. Возможно, периодическую систему элементов Менделеева и теорию эволюции Дарвина можно считать примерами научного знания, структурированного отмеченными выше приёмами.

Важно другое – использовали ли Менделеев и Дарвин в ходе нахождения своих новых научных положений только аналогию и комбинирование? А с чем проводилась аналогия и какие элементы знаний ими комбинировались? Ведь чего-то вполне подобного этим открытиям прежде в науке не было, – так отмечается в истории химии и биологии. Некоторые предыдущие похожие идеи были замечены позднее, – но как возникли они сами? Смотря на проблему шире, можно отметить изобилие знания в настоящее время, значительно превосходящее весь интеллектуальный багаж Средневековья. Неужели всё существующее знание является аналогией или рекомбинацией бедной результатами схоластики? Отрицательный ответ кажется очевидным.

Тем не менее определённые основания для этого проблемного мнения можно найти в марксистской философии. Ведь, если процесс познания является лишь отражением материального мира, то производство идей должно сводиться к приёмам по производству вещей. Но к этому выводу возникает несколько возражений. Во-первых, производство идей, даже являясь отражением производства вещей, может обладать долей самостоятельности, его обогащающей. Во-вторых, идеи не являются отражением наблюдаемого процесса переделывания этого мира, поскольку отражение в форме познания обладает свойством опережения. В-третьих, существуют указания на то, что познание не сводимо лишь к отражению, если не расширять это понятие.

Все это свидетельствует о том, что даже если в природе процессы деятельности сводятся лишь к аналогии и комбинированию, то в сфере производства идей всё может и должно быть иначе. Там арсенал средств творения должен быть богаче.

Наконец, ещё одно замечание. Положение о том, что все творческие методы есть комбинирование и аналогия, как ни странно, является почти верным. Ведь в современном арсенале средств решения проблем много стратегий и мало тактических приёмов. Это обстоятельство и ранее открытия ТРИЗ было причиной поисков приёмов развития самодостаточной творческой системы. Положение о сводимости всех творческих процедур к набору определенных известных методов ещё в начале XX в. высказал Ч. Пирс. Он говорил о существовании всего трёх типов рассуждений – дедукции, индукции и ретродукции (абдукции) [3, с. 76]. С его точки зрения аналогия есть сочетание индукции и ретродукции.

Стратегии представляют собой набор или последовательность тактических приёмов. Стратегии научного поиска являются упомянутыми выше методологическими программами. В силу немногочисленности тактик, практически в каждом стратегическом плане решения той или иной проблемы аналогия и комбинирование действительно имеют место. И в этом смысле они могут претендовать на универсальность, зачастую не принося пользы в конкретном случае.

Для завершающего вывода об универсальности отмеченных выше процедур следует прояснить важный момент: все ли тактические приёмы равноправны, или же бывают приёмы дежурные, ординарные и приёмы экстраординарные, порождающие действительно новое зна-

ние. Если верно второе, тогда возможны два варианта: либо аналогия и комбинирование являются выделенными из остальных универсальными и вечными методами производства нового знания, либо же в разных ситуациях решающими проблему выступают и другие методы.

По поводу первого из отмеченных случаев необходимо вспомнить историю с индуктивно-эмпирической программой Ф. Бэкона. Ещё в XVII в. он объявил о её универсальности, вечности и сумел доказать это своим современникам. Но в итоге её безальтернативность была отвергнута.

По поводу второго варианта можно заметить следующее. Существование ТРИЗ не стоило бы философского обсуждения, если бы не одно обстоятельство. Наличие мнения о сводимости всех приёмов производства знания к конечному числу заранее известных методов позволяет сделать более широкий вывод о принципиальной возможности построения методологии научного исследования как комбинаторики. Не столь важно – какие и сколько методологических приёмов будут участвовать в данной процедуре.

Вопрос о принципиальной сводимости процедуры любого исследования к композиции определённых заранее известных приёмов непрост. Наличие такой возможности позволило бы признавать методологию как научное направление. Но невозможность сведения исследования к стандартному набору приёмов признаёт методологию как философское направление, ответственное за развитие принципиально новых методов производства знания.

Действительно, если совокупность методов представляет собой несистематизированную последовательность, лишённую упорядоченности, то методология не будет знанием в современном его понимании, ибо любое знание основано на возможности повторения его вывода при одинаковых условиях. В этом смысле аналогия может быть знанием. Методология не может считаться научной, если не будет давать надёжного результата, например будет похожа на правила игры в «крестики-нолики» на поле из девяти клеток. Выигрыш там возможен лишь, когда противник ослабил внимание. Это простейший вид комбинаторики, которая, в общем-то, не сводится к таким простым видам, где о творческом решении не может быть и речи. Комбинаторной является также игра в шахматы. Её большая сложность позволяет претендовать шахматам на эвристический уровень интеллектуальной деятельности. Однако любое решение здесь ограничено системой неукоснительно соблюдаемых правил.

При критике ТРИЗ мы признаём это направление исследований нужным и интересным. Но развитие его не должно вытеснять иные методологические программы. Устаревшие, переставшие оправдывать себя элементы решения проблем должны заменяться новыми. На этом пути можно предвидеть определённые препятствия непознавательной природы, характерные для современного общества потребления. Наиболее успешные программы могут выводиться из области свободного развития, защищаться патентами и торговыми марками, искусственно направляться в общественно бесполезные, но временно доходные области деятельности, как это произошло с некоторыми психологическими практиками решения личностных проблем. Творческий потенциал таких программ в итоге может оказаться утраченным.

Повторим, что попытка обнаружения неких универсальных структур решения технических задач не должна вызывать возражений, но имеются сомнения в существовании такой универсальной методологии. Одной из причин сомнений может быть то обстоятельство, что при разработке универсальной методологии не различаются проблемы и задачи.

В данном контексте уместно вспомнить о «тезисе Чёрча», утверждающем, что всякое математическое решение является решением алгоритмическим, сводящимся к весьма бедному набору приёмов, по-разному, но эквивалентно описанному Чёрчем, Тьюрингом, Клини или Марковым. При проверке *post factum* тезис обычно подтверждается – всякое доказательство описывается программой. Поэтому недоказанный тезис Чёрча считается достоверным. Но он оказывается бесполезен в случае обращения к актуальной проблеме. Ни одна из них не была решена от начала до конца посредством алгоритма, написанного заранее. Этот парадокс можно попытаться объяснить концептуальной сложностью серьёзных проблем – их решение может требовать построения особой теории, как это происходит в известных случаях. И хотя различные математические теории могут быть аналогичны, используемые ими понятия, концепции могут быть уникальны, несводимы к другим, и не открываемы алгоритмически, комбинаторно. Возможно, это рассуждение приближает нас к пониманию природы научного творчества.

С нашей точки зрения, необходимо рассказывать будущим учёным о существовании методологии как ремесла и искусства решения научных проблем. По возможности следует показывать им отличие одного от другого. При

этом отнесение аналогизирования и комбинаторики к разряду ремесла неверно. Так, игра в шахматы есть комбинаторика, но нельзя считать мастера этой игры ремесленником, копирующим кем-то придуманные процедуры. С другой стороны, крестики-нолики тоже комбинаторика, но принципиально иного уровня. Поэтому в первом случае мы называем деятельность искусством, а во втором – ремеслом. С развитием технологии наши оценки будут неизбежно меняться. Так, с некоторого времени сложно решить – кто же побеждает на шахматных чемпионатах, люди или компьютерные программы? Многие, прежде сложные и творческие математические задачи сейчас без особых затрат решаются стандартными программами вычислений. На долю математика остаётся сведение актуальной проблемы к набору запрограммированных процедур. Что в этой деятельности является искусством – это может чувствовать только сам исследователь. Без его субъективной оценки трудно обойтись.

Иное дело – деятельность в условиях открытой рациональности, когда научная деятельность допускает выход за пределы существующей системы тактических приёмов производства знания. Производство новых приёмов в большей мере, чем деятельность в пределах закрытой рациональности, может быть названа искусством, направленным на создание принципиально нового знания. Однако здесь должны быть логические ограничения. Иначе исследование уподобится абсурдной игре в крокет, описанной Л. Кэрроллом в «Алисе в стране чудес».

Дело философии обеспечить направление рефлексии учёных о понимании научного творчества как искусства производства знания, проходящего между Сциллой и Харибдой тавтологий и алогичных фантазий.

Как преподавать философию?

Прежде всего, хорошо было бы определить – кому и как преподаётся философия? Основные проблемы сейчас имеются в связи с преподаванием философии на непрофильных специальностях и в непрофильных вузах. Выйдя из-под опеки «единственно верного» учения и стремясь к сочетанию различных, наиболее значимых философских теорий, учебные курсы утратили образцы или общие принципы построения. Рецидивы диамата сохранились в фундаментальных темах программы – «Бытие», «Материя и её атрибуты», «Теория познания», а по вопросам социальной философии вместо истмата зачастую предлагается эклектичный набор из

политологии и культурологии или даже эзотерика и псевдофилософия.

Несмотря на предпринятые усилия, по мнению ряда авторитетных учёных и методистов, за последнее десятилетие значительных улучшений в преподавании философии не произошло. В.Н. Порус высказался на эту тему так: «Философия, как она преподается в вузе, стала раздражать учёных, а студенты и аспиранты во многих случаях испытывают к ней чувства, похожие на то, с каким философ Хома Брут отнесся к сексуальным домогательствам старухи-ведьмы на степном хуторе» [4, с. 64]. По его мнению, отечественное философское сообщество не воспользовалось благоприятными возможностями последнего времени. Вузовские программы лишь немного модифицировали былую «диаматистматовскую» структуру, добавив историко-философские реминисценции, что создаёт внешний эффект плюрализма, но не имеет внутренней связи и логики. Студентам читается сокращённый лимитом учебного времени курс истории философии, с которой знакомят, «как туристов из автобуса с достопримечательностями местности: «...взгляните налево – экзистенциализм, главная идея – «существование предшествует сущности»; направо – позитивизм с главной идеей «наука сама себе философия»; едем дальше, налево – структурализм...» [4, с. 64].

Неправильно организованное дело может быть поправлено лишь через создание хорошо продуманной стратегии преподавания. Философия даёт только один из видов знания, наряду с наукой, мифологией и религией. Любое знание может иметь несколько компонент – знание-повествование, знание-утверждение, знание-наставление (поучение) и знание-вопросание. Но для разных типов знания в разные моменты его становления доминируют разные составляющие.

Для философского знания компонента поучения недопустима, философия не должна поучать. В философии невозможно обойтись без утверждений, но философия должна утверждать в меньшей степени. Наиболее важна для неё функция вопрошания. Вспомним, что на вопрос «Что ты делаешь?» – Сократ отвечал: «Я задаю вопросы». Многие философы ценили это свойство философии, однако оно остаётся не до конца прояснённым.

В чём специфика философской постановки и решения проблем? Проведём аналогию. Возможны два способа деления целых чисел – деление без остатка и деление с остатком. Деление без остатка подобно решению научной проблемы, дающему окончательный ответ, не оставляющий после себя новых проблем. В

этом случае мы говорим не о проблеме, а о задаче. В отличие от задач, решение настоящих проблем не завершается.

История интеллектуального развития человечества свидетельствует – философские проблемы вечны. В жизни каждого человека наступает момент, когда он интересуется: Как устроен мир? Зачем я живу? Обладаю ли я свободой воли и могу ли я что-то выбрать сам? Что такое добро и зло? Как жить, чтобы быть счастливым? Люди всегда спорили об этом, и по каждой философской проблеме существует много возможных вариантов ответа. Как же решать философские проблемы? Их решение подобно делению с остатком. В ходе его мы получаем некоторое утверждение, имеющее личное измерение, личный контекст, обусловленный личной историей. Но оно ставит новые вопросы. Решенные проблемы, таким образом, порождает другие проблемы.

По-видимому, основное отличие философской проблемы от научной в том, что её решение принципиально неполно и незаконченно. Именно этой особенностью философия отличается от современной науки. Цель науки – окончательно разрешить все проблемы. Поэтому, если в науке обнаружилась неразрешимая проблема, она воспринимается как «заноза», от которой нужно, так или иначе, избавиться. Либо эту проблему нужно удалить из структуры научного знания, либо в некотором роде растворить, заменить решаемой проблемой. Без сомнения, речь здесь идет об идеале научного знания, а в реальности всё происходит несколько иначе.

Философия, таким образом, занимает особое место, поскольку её основная функция – вопрошать у различных систем знания, ставить им неразрешимые проблемы. Поэтому существуют философия науки, философия религии, философия мифа и т.д. Философия, в своём роде, пристаёт с вопросами к другим типам знания. Конечно, самой себе философия задаёт ещё больше вопросов. Философию отличает особое состояние – она никогда не завершена. Она содержит в себе утверждения и поучения, однако она не утверждает и не поучает.

В условиях сокращения времени, выделенного на преподавание философии, целесообразно ограничить набор рассматриваемых со студентами тем, посредством наводящих вопросов провоцируя состояние познавательных ситуаций и личные открытия.

Вероятно, что в условиях реформирования высшей школы появится реальный выбор студентами спецкурсов, которые будут читаться

для небольших аудиторий. Такие спецкурсы философской направленности могут посвящаться отдельным разделам: этике, эстетике, истории философии, философии кино, философии музыки.

Если мы уверены, что философия имеет историко-культурное, мировоззренческое и познавательное значение, мы должны убеждать в этом и представителей других дисциплин. Как это сделать? Надо повысить интеллектуальную привлекательность философии и качество её преподавания. Для этого нужна активная популяризация, щедрый обмен методическими работками и удачными педагогическими приёмами. Так, в журнале «Эпистемология и философия науки» по инициативе И.А. Герасимовой [5] ведётся рубрика «Кафедра», где происходит обмен образовательными идеями, но журнальный объём для этой цели недостаточен. Нужны информационные площадки для общения преподавателей философии, для сбора полезных советов, примеров, методических приёмов, упражнений и задач¹.

Примечание

1. На сайте Ульяновского государственного университета заложена основа для такого начинания: см.: <http://staff.ulsu.ru/baranetz/studentam-materialy-k-kursam/> Предлагаем его расширять, посылая нам свои наработки.

Список литературы

1. Альтшуллер Г.С. Творчество как точная наука. М.: Советское радио. 1979. 345 с.
2. Меерович М.И., Шрагина Л.И. Теория решения изобретательских задач. Минск, Харвест, 2003. 428 с.
3. Пирс Ч. Принципы философии. Т. 1. СПб., Санкт-Петербургское философское общество. 2001. 224 с.
4. Порус В.Н. Философия науки для аспирантов // Эпистемология и философия науки, 2007, № 4. С. 63–82.
5. Герасимова И.А. Мыслим альтернативами, или Разговор о чудесах // Эпистемология и философия науки, 2008, № 1. С. 199–208; Герасимова И.А. Общие высказывания: предпосылки, основания, выводы // Эпистемология и философия науки, 2009, № 2. С. 175–189; Герасимова И.А. Человек и прибор // Эпистемология и философия науки, 2012, № 3. С. 98–113.

WHY THE PHILOSOPHY HAS A FUTURE?

A.M. Dorozhkin, N.G. Baranetch, A.B. Verevkin

The image of philosophy and the philosophy future in relation to natural and to the humanities against modern sociocultural realities is analyzed.

Keywords: philosophy, natural sciences, humanities, image of philosophy, philosophy future.